

Шукшин народный, из мужиков – сказавший за них: мычащих, чешущих затылок с бормотанием: этого... того; Шукшин любимый народом, так точно ощущавший пульс жизни, будто сам был его кровавым сгустком.

Он и был.

Он выше – как режиссёр, актёр или писатель?

Кому-то хочется перечитывать, иным пересматривать.

Чаша Шукшина слишком полна.

Хитрованы мужички, всегда себе на уме; спор с огромным поппарой, какого и ножиком пырни, ничего не будет; гроздь гостей

этого мира, ничем не примечательных, таких особенных.

Глыбой надвигается национальный разбойник Стенька – истово воюющий, неистово гуляющий, не давший радости стонами палачам под жуткой пыткой.

Любавины – кругами, линиями, зигзагами идущие через отведённый им сгусток истории (в истории же все живут, только осознают сие немногие).

Стружкой сосновой должен пахнуть язык Шукшина, а он – хрустальный, он – ручьевой, и от прозрачной, студёной, живой воды душу ломит так сладко, так хорошо...

Многих современных актёров следовало бы именовать не «народными», а «просто-народными», как ряд писателей, некогда превозносимых, – «псевдонародными»; тем не менее существует подлинная, сколько бы ныне ни подвергался осмеянию этот термин, народность – прорастающая из самых глубин, из гущи и дебри страны и витальных

её возможностей, и Василий Шукшин лучшее тому доказательство.

Все ипостаси его деятельности отмечены сим высоким знаком: и каждой было бы достаточно для величия, для того, чтобы остаться в истории культуры столько, сколько она будет продолжаться; но писательская высота Шукшина – особая: она от подлинного золота речи.

Как естественно фраза любого рассказа ложится в другую! Как просто и ясно выходят из недр жизни замечательные персонажи: хитрованы и простачки, скрипящие деды и грезящие о космосе будущего мальчишки, праздные болтуны... и огромный, могучий телом поп, которого пырни ножиком – по желанию пьяного глуповатого мужичка – так поболит немного и зарастёт.

И юмор Шукшина – из деревень, от жизни, простой и необходимой, с её повседневным хлебом и подвигом ращения детей... Как срезал Глеб Капустин зарвавшегося московского интеллигента! и ничего, что философию перепутал с филологией, так даже забавней...

Простота, известно, хуже чего бывает, но у Шукшина – яркая ясность: будто воздух сгущается в волшебные рассказы, открывая новые и новые ипостаси жизни народной – той, каковую была в годы, отмеренные мастеру.

И – рассказ к рассказу – будто строится терем прозы, нет! Китеж всплывает из вод нынешнего

дурновкусия и глупости, связей и торгашества премиями: Китеж, сияющий красками ума, юмора, доброты – а всё это проза Шукшина предлагает в избытке.

Но не только в рассказах великолепны мускула мастерства Василия Макаровича: и «Любовины», густо замешанная история рода, возвышаются над обилием разной мелкотравчатой и толсто-томной прозы; что за герои! какая великолепная гроздь характеров!

И Стенька бушует – оставшийся в веках, не прекратил ни бунта своего, ни разгула – проигравший победитель, пытаемый в конце так страшно, но смехом над палачами глумящийся, не дающий им насладиться стонами своими.

Василий Шукшин рядом с нами: вот они тома его, на многих полках; Василий Шукшин удивляется нам – как могли дойти до такой агрессивности, эгоизма, алчности; как могли дойти до нечтения книг или чтения макулатуры, как могли стать такими...

Изменитесь! Призывают тома великолепного Шукшина.

3

Емельян Любавин крепко и цепко глядит на мир, ему знакомый, изученный до прожилок.

Как вести хозяйство, как растить многих сыновей, как держать баланс между сытостью и жизнью впроголодь – коды сии ведомы Емельяну, и он рассчитывает передать их детям. Однако жизнь пойдёт не так, как угодно крепко посаженному в оную, пустившему в ней корни Емельяну.

Дядя и племянник Родионовы, командированные из уезда для организации в селе школы, оказыва-

ются агентами ГПУ, присланными выследить местоположение ярой, опасной, лихой банды; и события, завернувшиеся вокруг их приезда, выдёргивает, как колья из плетня, многое из привычной жизни.

...от неё вообще вскоре ничего не останется, и чья тут правда? На чьей стороне Шукшин, мощно и размашисто длившийся повествование?

Были сложности с публикацией, многие редакционные правки, цензурные купюры – и оправданность всего этого не очевидна.

Ибо самородный, могучий, писательский дар Шукшина должен был разрастаться ветвисто и роскошно; ибо фразы клались с тою плотностью, с какою строили избы.

Род приходит и род уходит, как известно из скорбной, сутулой книги Ветхого завета, но мощь живших на земле и ведших тугое хозяйство выкорчёвыванию подавалась с трудом. Известно, что семьи Байкаловых, Колокольников, Малюгиных до сих пор живут в Сростках, и именно их представители становились прообразами героев романа.

...и возникает затем колокольное звучание «Я пришёл дать вам волю», где размах повествования точно координируется размахом

Руси, взбунтовавшейся против вековых устоев. Ибо настояны оные на несправедливости: и борьба с нею будет вечной, такой же, как и сама несправедливость: констатированная во все периоды человеческой истории.

Стенька – очень шукшиновский герой, им любимый, им понимаемый...

Как бы ни пытали его, проигравшего, не будет стонать, только смеяться над палачами, заплочных дел умельцами. В Шукшине самом было что-то от Стеньки, от бунта, от удалства русского: и именно это: коренное, талантливое, могучее и придавало его книгам – в том числе двум романам – высоту и объём, силу и величие...

4

Гушь народная за ним стояла:
персонажи были из неё.
И рассказы золотисто-ало
чудо предъявляли нам своё.
Шукшина крепка, как соль, питает
хлебом духа проза, высока.
Из народных дебрей прорастает
в красоту небесного стиха.

